

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ (на примере рассказа «Клятвопреступление» Людвиг Тома)

Л.И. Гришаева, Е.Ю. Кузьминская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июня 2008 г.

Аннотация: В статье анализируются различные переводческие решения одного и того же художественного текста с ярко выраженной культурной спецификой, чтобы проследить влияние личности переводчика на выбор переводческих стратегий.

Ключевые слова: переводческая стратегия, импрессивная эквивалентность, художественный перевод.

Abstract: The paper analyses different translators' choices in translating the same literary text which is strongly marked as culture specific. This study's objective was to determine the influence a translator's personality has on the specific strategies she chooses.

Key words: translation strategy, impressive equivalence, literary translation

Работа переводчика над художественным текстом предполагает особые трудности, связанные в первую очередь с его ярко выраженной образностью, поскольку автор художественного текста творит фиктивную реальность, ограничивая себя только эстетическими и творческими задачами, используя при этом разнообразные языковые — лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, текстовые и др. — средства реализации своей интенции и средства выражения своего замысла [1; 2; 8; 12; 13; и мн. др.]. Несмотря на то, что индивидуальный авторский стиль и его сохранение в той или иной форме являются неотъемлемой частью прежде всего художественного перевода, существуют определённые стратегии по его выполнению. Благодаря этому переводчик может перед тем, как приступить к работе, более или менее сознательно определиться с ведущей стратегией, реализация которой поможет ему, выражаясь словами Н.А. Фененко, при «локализации текста в новых координатах» [15, 54]. Это тем более важно, что «переводчик художественного текста ограничен не только архитектурой и условиями собственно языка, на который он переводит, но также целым рядом переводческих и литературных традиций и вкусов, существующих в его стране. <...> Переводчик также может пойти по пути языковых и стилистических инноваций, но для него, как показывает практика, оригинальность, нарушение норм и существующих традиций сопряжены со значительным риском «не быть понятым».

В результате такого подхода могут возникнуть недоразумения, например, его могут легко упрекнуть в недостатке чувства стиля или даже в отсутствии эстетического вкуса...» [16, XII].

Насколько сложной в теоретическом отношении является обсуждаемая проблематика, можно понять уже только из остроты дискуссии относительно качества переводов и соответствующих критериев, использования в разных теориях таких транслатологических категорий, как эквивалентность и адекватность, относительно условий, необходимых для принятия наиболее приемлемых переводческих решений и др. Так, Л. Шиппель, обсуждая комплекс упомянутых проблем, называет свои рассуждения «Ist Übersetzungsqualität wirklich ein Chamäleon?» и приходит к выводу об исторической и социальной обусловленности качества перевода, понимание которых меняется с изменением социокультурных условий [22, 107].

Наиболее обоснованной переводческой стратегией на сегодняшний день является стратегия по максимальному сохранению функции текста, т. е. того, для кого и с какой целью создан текст оригинала и для кого и зачем делается перевод: переводчику следует помнить о целевой аудитории и о выборе средств воздействия на эту аудиторию, эквивалентных тексту-оригиналу. При работе же с художественным текстом предпочтение следует отдавать сохранению импрессивной — формально-эстетической — эквивалентности. Семантико-структурная эквивалентность должна быть максимальной, но она уступает функциональной стороне перевода, по мнению Н.А. Фененко, которая

особо подчеркивает комплексный характер перевода. Н.А. Фененко различать два основных вида эквивалентности — экспрессивную и импрессиивную [14]. Экспрессивная эквивалентность включает в себя денотативную, коннотативную, жанровую и прагматическую эквивалентность. Импрессиивная эквивалентность заключается в сохранении воздействия на читателя и представляет собой формально-эстетическую эквивалентность. Анализируемый текст является художественным, и, следовательно, весьма важную роль при его переводе играет стратегия на достижение импрессиивной эквивалентности; поэтому, учитывая параметры импрессиивной эквивалентности, при изучении средств, с помощью которых достигается эквивалентность, мы обращаем особое внимание на формальную сторону перевода [14].

В качестве источника материала для анализа переводческих решений применительно к художественному тексту избран сборник рассказов Людвиг Тома «Lausbubengeschichten. Aus meiner Jugendzeit». Это обусловлено тем, что большинство немецких читателей и знатоков рассказов Людвиг Тома уверенно называют их непереводаемыми [16]. Русские читатели, владеющие немецким языком, ознакомившись с текстом оригинала, напротив, считают, что перевести эти рассказы не только возможно, но и довольно несложно. Однако ряд фактов свидетельствуют либо о непереводаемости обсуждаемых текстов, либо о том, что переводчику необходимо преодолеть значительное число трудностей, проявив при этом значительное мастерство и большую находчивость, чтобы текст перевода (ПТ) был адекватно воспринят в принимающей культуре. Несмотря на популярность этих историй («Lausbubengeschichten. Aus meiner Jugendzeit») среди немецких читателей¹, это произведение крайне редко переводилось на другие языки [Фройнек 2003]. По имеющимся данным, не

¹ «Lausbubengeschichten» впервые были опубликованы между 1902 и 1904 гг. в мюнхенском сатирическом журнале «Симплицизм» и «Новая свободная пресса». Публикуясь в рамках сатирического журнала, рассказы представляли собой разрозненные «воспоминания о детстве»; предназначались они, конечно, не детям, а взрослому читателю, способному понять и оценить их острую сатиру [16]. Рассказы характеризуются реалистическим способом повествования с точки зрения мальчика или подростка Людвиг. Голос самого писателя очевидно не присутствует, хотя манера повествования дает читателю это явственно понять и прочувствовать. Названные стилистические особенности обсуждаемого характеризуют произведение в первую очередь, и они же представляют первичную трудность при переводе: «Die Lausbubengeschichten leben ganz aus der Sprache...» [Kindlers Neues Literaturlexikon. — München, 1988/92].

существует также его перевода на русский язык (Index Translationum, GVÜ (Gesamtverzeichnis der Übersetzungen deutschsprachiger Literatur); в общем каталоге «Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино» также нет указаний на перевод на русский язык.)

Данное произведение изучено и впервые переведено на русский язык студентами Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (2001/2002 гг. обучения) в рамках спецкурса по художественному переводу; переводчики назвали сборник «Похождения баварского сорванца, рассказанные ими самим»; редактор переводов — М.Б. Чиков [Thoma 2003].

Для практического анализа в данной статье из 11 переведенных студентами рассказов выбран один — «Der Meineid» / «Клятвопреступление» [Thoma 2003, 2—9] как текст, изобилующий разнообразными отклонениями от литературной нормы, что помогает автору, Людвигу Тома, создать определённую атмосферу повествования, близкую к устному, непринужденному, четко локализованному во времени и пространстве рассказу от имени мальчика/подростка, не обремененного пока значительным багажом знаний, мальчика находчивого, довольно сообразительного, наблюдательного и по необходимости изворотливого.

Наше исследование заключалось в сравнении нескольких переводческих решений одного и того же текста. Для этого полный текст рассказа вкупе со сведениями об авторе, а также историей создания и литературоведческой критикой всего произведения и некоторыми комментариями был передан лицам, высказавшим желание и согласие участвовать в переводческом эксперименте. Уровень владения немецким языком у всех переводчиков был приблизительно одинаков, хотя этот параметр не принимался во внимание при оценке качества перевода. Текст предполагалось переводить в домашних условиях без ограничения во времени и без каких бы то ни было предварительных условий; участники эксперимента могли пользоваться различными словарями, справочными материалами, энциклопедиями, могли по своему желанию консультироваться с носителями языка. Время окончания переводческого эксперимента строго не ограничивалось, но получилось, что каждому участнику на это потребовалось не более 14 дней.

Ниже анализируются переводческие решения следующих участников эксперимента, студентов и аспирантов факультета РГФ ВГУ: Т. В. (студентка, 5 курс РГФ ВГУ) (1); Б. В. (аспирант РГФ ВГУ)

(2); П. О. (студентка, 5 курс РГФ ВГУ) (3); Р. Ю. (аспирантка РГФ ВГУ) (4); перевод студентов НГЛУ (5). Мы признательны канд. филол. наук, ст. преп. кафедры немецкой филологии ВГУ С.В. Семочко, сделавшей комментарии относительно степени адекватности и импрессивной эквивалентности переводов. Слова благодарности мы хотим сказать и преподавателю ДААД Гезине Вайдеман (Gesine Weidemann). Эксперимент проводила Е.Ю. Кузьминская, которая подробно описала его и первично проанализировала результаты в рамках дипломной работы, защищенной в 2008 году под руководством Л.И. Гришаевой.

Проанализировав переводческие решения на примере конкретных художественных текстов — рассказов баварского писателя Людвиг Тома «Lausbubengeschichten. Aus meiner Jugendzeit», — мы выявили основные стратегии, которые переводчик реализует в процессе своей деятельности: сохранение устности, самобытности рассказа путём подбора аналогов с просторечной, разговорной, фамильярной характеристикой и заменой региональных диалектизмов наддиалектными просторечиями. Вне всякого сомнения, названные компоненты художественного текста — «не просто носители национального и социального колорита, но также и важнейшие элементы создаваемой автором художественной действительности» [15, 51]. Тем самым в центре внимания оказались в первую очередь номинативные стратегии переводчика, т. е. выбор адресантом из комплекса изофункциональных средств именованного одного и того же элемента внеязыковой действительности тех, которые позволяют ему с его точки зрения максимально успешно в заданных коммуникативных условиях реализовывать свою интенцию [5; 6].

Собственно анализу переводческих решений рассказа «Der Meineid»/«Клятвопреступление» предшествовало определение потенциальных сложностей для переводчика (см. подробнее об этом [9; 16; Thoma 2003, XIX—XXII]): большое количество просторечных, диалектальных (баварский диалект) и научно-религиозных пластов лексики, диалектальные особенности на грамматическом (морфологическом и синтаксическом) уровнях, разнообразные приемы стилизации и другие особенности авторской речи и речи персонажей художественного произведения, а также культурно-специфические аллюзии и прецедентные феномены, которыми богат выбранный для анализа текст. Значительную сложность для переводчика должны представлять также историзмы как в лексике (на-

пример, *Pedell, Rektor (des Gymnasiums), Ofenschirm* и др.), так и в грамматике (например, *Ich habe doch gar keinen Stein nicht hineingeschmissen, niemand wusste nichts*), а также средства выражения отдельных функционально-семантических категорий. Использование этих языковых средств автором оригинала обусловлено тем, что с их помощью он характеризует и передает речевое поведение персонажей и тем самым придает повествованию особый, ни с чем не сравнимый колорит. Следовательно, сохранение устности, народности и разговорности как основных стиливых черт данных рассказов является первостепенной задачей для переводчика и одновременно — главной трудностью при ее решении.

Анализ рассказов проходил в несколько этапов, реализация которых позволила получить следующие результаты:

1. Проведен лингвистический анализ лексических и грамматических явлений, характеризующихся в специальных источниках как диалектальные, стилистически маркированные, просторечные. Установлено соответствие/несоответствие соответствующих характеристик в оригинальном (ИТ) и переводном текстах (ПТ), степень адекватности ИТ и ПТ, а также наличие/отсутствие импрессивной эквивалентности, достичь которую стремились переводчики. Рецепция ПТ носителями русского языка определялась в студенческой аудитории, которая владеет немецким языком и имеет опыт критического осмысления литературного текста.

2. Установлены переводческие приемы, позволяющие или не позволяющие решать соответствующие переводческие задачи, обеспечивая реализацию основной переводческой стратегии. Анализ пяти переводческих решений позволил установить: среди переводческих трансформаций, направленных на достижение импрессивной эквивалентности, преобладают смысловое развитие, добавление, опущение. С помощью этих приемов переводчики стремились перевыразить содержание ИТ, отстоящего от адресата ПТ на значительной временной и культурной дистанции, с минимальными потерями для когерентности текста (о значимости последней при создании ПТ см. подробнее, например, в [19; 20; 21; и др.]).

3. Сделаны выводы об использовании определенных переводческих стратегий и о степени успешности того или иного переводческого решения. В целом установлено, что переводчики, избрав доминирующую переводческую стратегию, предпочитали те номинативные решения при обозначении

ния одного и того же элемента действительности (объектов, субъектов, признаков, отношений, процессов, действий, ситуаций и др.), которые направлены на создание текста, когерентного для адресата ПТ. В ряде случаев, однако, подобное стремление было реализовано не очень удачно. Причины этому были разнообразны, и на настоящем этапе исследования пока нельзя выявить каких-либо корреляций либо между умением переводчика последовательно реализовывать ту или иную переводческую стратегию и уровнем его мастерства, либо между характером использованного переводческого приема и уровнем владения им сведениями о культуре ИТ и культуре ПТ.

Остановимся подробнее на ряде примеров, показательных в обсуждаемом контексте. Следует особо оговорить, что в данной статье анализируются не все заслуживающие внимания явления. В центре внимания оказываются прежде всего средства обозначения отдельных элементов действительности. Это обусловлено тем, что языковые средства активизируют определенный комплекс сведений о внеязыковой действительности. Соответствие/несоответствие прототипической семантики этих средств актуальному контексту, в котором они функционируют, служат для адресата основанием для выбора стратегий интерпретации всего комплекса сведений, активизируемых различными механизмами вербализации. Анализ переводческих решений понять, почему в ряде случаев переводчики не были в состоянии найти адекватное переводческое решение. Для обоснования суждений о степени успешности/корректности/приемлемости переводческих решений используются данные разных словарей, справочных изданий и грамматик, в том числе и исторических, а также общетеоретические положения о способах и средствах достижения эквивалентности при переводе. Каждый из анализируемых в статье примеров иллюстрирует одну из сложностей, с которой сталкивались переводчики при переводе соответствующего ИТ; характер этой сложности становится ясным из комментария к сопоставляемым переводческим решениям.

Пример 1. «Der Meineid»

- 1) Лжесвидетельство
- 2) Лжесвидетельство
- 3) Лжесвидетельство
- 4) Лжеприсяга
- 5) Клятвопреступление

Все приведенные переводческие решения можно признать изофункциональными, хотя и разли-

чающимися своим коннотативным потенциалом. Однако эти различия не сказываются принципиально на импрессивной эквивалентности ПТ — во всех случаях легко активизируются сведения о типе интеракции, в которой прототипически используются соответствующие языковые средства.

Пример 2. *Werners Heinrich sagte, seine Mama hat ihm den Umgang mit mir verboten, weil ich so was Rohes in meinem Benehmen habe und weil ich doch bald davongejagt werde.*

1) Вернерс Генрих сказал, его мама запретила общаться со мной, потому что в моем поведении есть что-то мерзкое и меня скоро выгонят.

2) Вернерс Хайнрих сказал, его мама запретила ему со мной общаться, потому что в моем поведении есть что-то грубое и потому что меня все равно скоро отсюда выгонят.

3) Вернерс Генрих сказал, что его мама запретила ему общаться со мной, потому что что-то грубое было в моём поведении и потому что меня всё же скоро прогонят.

4) Вернерс Хайнрих сказал, что его мама запретила ему общаться со мной, потому что я настоящий хулиган и скоро меня выгонят из школы.

5) Генрих, сын министерского советника Вернера, сказал, что мать запретила ему водиться со мной, потому что в моём поведении есть такая неотёсанность и меня скоро вообще выгонят из гимназии.

В первых трёх вариантах перевод словосочетания *so was Rohes* был сделан практически буквально: *что-то мерзкое* (разг.), *что-то грубое* (нейтр.). Хотя *roh* имеет нейтральную окраску, предложение на немецком языке в целом оставляет комичный эффект, так как юноша Людвиг передаёт своими словами чужую речь (*Umgang mit j-m, j-n davonjagen* и др.) — речь матери своего знакомого — и тем самым автор высмеивает её чванство. *Я настоящий хулиган* — такое решение выбрал переводчик (4), чтобы передать чужую речь, не свойственную мальчику. Вариант *этакая неотёсанность* в переводе (5) использован с той же целью: указательное местоимение *этакий* (разг.) означает поставленную под сомнение характеристику, а абстрактное существительное *неотёсанность* отсылает рецепиента ПТ к речи взрослого человека, интеллигентного или, по крайней мере, считающего себя таковым.

Стоит особо заметить, что переводчики (1) — (4) не обратили внимание на то, что Генрих — сын Вернера (*Werners Heinrich* — ср. один из возмож-

ных вариантов перевода: *Вернеров Генрих*) и не придали значения сохранению денотативно значимой информации, активируемой конструкцией *Sub + Sub_{Gen}*. Это, по всей видимости, обусловлено тем, что соответствующая информация дистантно расположена между первым упоминанием Генриха в тексте и уточняющими сведениями о нем, расположенными в середине текста. Однако анализ этой номинативной цепочки по ПТ у разных переводчиков свидетельствует о том, что они стремились сохранить когерентность, ср. пример 2 с примерами 3 и 7: первоначально принятая интерпретация сохраняется по всему тексту. Сказанное относится и к выбору антропонимов-имен собственных (ср. конвенциональное *Генрих* и неконвенциональное *Хейнрих*).

Пример 3. *Ich sagte zu Werners Heinrich, dass ich auf seine Mama pfeife, und ich bin froh, wenn ich nicht hin muss, weil es in seinem Zimmer so muffelt.*

1) *Я сказал ему, плевать я хотел на его маменьку, и что я рад, что мне к нему не надо, поскольку в комнате его ужасно смердит.*

2) *Я сказал, что мне на его маму плевать, и что я рад, что мне к нему нельзя, потому что в его комнате скверно пахнет.*

3) *Я сказал Генриху Вернерсу, что мне плевать на его маму и я рад, если мне нельзя заходить к нему, потому что в его комнате скверно пахнет.*

4) *Я же ответил Хейнриху, что мне плевать на мнение его мамы и что я очень рад тому, что больше не должен буду ходить в эту школу.*

5) *Я сказал Вернерову Генриху, что я плевал на его мать и что я даже рад, что меня к нему не пустят, потому что у него в комнате воняет плесенью.*

В этом случае интерес представляют прежде всего средства обозначения ситуации единицами *auf etw./j-n pfeifen* (разг., фам.) и *es muffelt* (прост., негат.), т. к. здесь они носят большую стилистическую нагрузку, передавая негативное отношение героя к происходящему и к своему собеседнику. *Ich pfeife...* переведено практически одинаково всеми: *плевать я хотел, мне плевать, я плевал*. Глагол *плевать* в данном контексте означает «пренебрежительно относиться» и стилистически характеризуется как просторечное, презрительное. Различия, однако, наблюдаются в переводе *auf seine Mama*: *на его маменьку* (уст., разг.), *на его маму* (2), *на мнение его мамы, на его мать*. Существительное *Mama* в немецком языке в своём денотативном и коннотативном значениях более близко к существительному *мама* в русском и имеет позитивную характе-

ристику, воспринимается как ласкательное. Таким же образом соотносятся слова *Mutter* и *мать*: *матерью* чаще всего зовут родные дети, а *мать* называют в русском языке либо нелюбимую, либо чужую маму. Скорее всего, слово *Mama* употребляет Генрих, а Людвиг только имитирует речь своего друга.

При переводе глагола *muffelt* (прост., негат.) были использованы слова *ужасно смердит, скверно пахнет и воняет плесенью*. В одном из вариантов это место оригинала было опущено и не переведено. *Скверно* (разг.) было в двух случаях дополнено нейтральным глаголом *пахнуть*. Намного эмоциональнее звучит фраза *ужасно смердит*, где *смердеть*, само по себе выразительное, усиливается наречием *ужасно*. Однако в этих переводах нет указания на то, что же, собственно, издаёт запах и так сильно раздражает главного героя. Только в переводе (5) даётся денотативно точный перевод с указанием на запах плесени и используется глагол *вонять*, который в словаре имеет помету «просторечное», что вполне соответствует характеристике глагола *muffelt*. Решение переводчика (4) предвосхищает дальнейшее содержание, хотя и не вербализует сведения о ситуации, обозначенной *es muffelt*.

Пример 4. *Dann sagte er, ich bin ein gemeiner Kerl, und ich gab ihm eine feste auf die Backe und ich schmiss ihn an den Ofenschirm, dass er hinfiel.*

1) *Потом он назвал меня проходимцем, и я ему заехал так, что он грохнулся о печь.*

2) *Тогда он сказал, что я подлый тип, а я дал ему по рожке и швырнул об печку так, что он упал.*

3) *Тогда он сказал, что я подлец, и я дал ему хорошую затрепину и швырнул его на печную ширму так, что он упал.*

4) *Тогда он обозвал меня наглым и подлым типом, за что я отвесил ему такую крепкую пощечину и толкнул к печной заслонке, что он даже упал.*

5) *Тогда он сказал, что я подлый тип, и я дал ему по рожке и швырнул его на решётку камина, так что он упал.*

В данном предложении наиболее выразительными и эмоциональными являются слова и фразы *ein gemeiner Kerl, eine feste auf die Backe (geben), schmiss. Ein gemeiner Kerl* переведено как *подлый тип, подлец, проходимец и наглый и подлый тип. Gemein* — это прилагательное, уже в своём значении содержащее коннотацию «плохой», «подлый», «непорядочный», «нечестный»; *Kerl* — многознач-

ное просторечие, в сочетании с негативно маркированным прилагательным приобретающее однозначно отрицательное значение и имеющее в русском языке аналог *тип* (ср.: *подлый тип, подозрительный тип, мерзкий тип*). Слово *подлец* в русском языке входит в один синонимический ряд с существительным *негодяй* и является стилистически эквивалентным оригиналу, в то время как слово *проходимец* (разг., презр.) входит в один синонимический ряд с существительным *мошенник* и содержит в себе значение «нечестный человек, занимающийся обманом». Из контекста понятно, что *проходимец* — это не совсем подходящее слово для перевода *ein gemeiner Kerl*, так как смысловое содержание данной фразы не столь эмоционально нагружено, как её перевод, и коннотативный компонент «обман, мошенничество» при переводе несколько преувеличен.

Выражение *gab ihm eine feste auf die Backe* переведено как *заехал, дал ему по рожке, дал ему хорошую затрецину, отвесил ему крепкую пощёчину*. *Eine feste auf die Backe geben* — это фразеологизм, характеризующий разговорную речь и означающий «дать пощёчину». Глагол *заехать* (груб., прост.) как вариант перевода вполне возможен, так как содержит в себе значение «ударить» и объединяет в себе сразу два действия (*gab, schmiss*), однако в данном варианте не даётся пояснение того, куда ударили мальчика. *Дать по рожке* (прост.) — весьма подходящий вариант, как и остальные переводы, поскольку в них максимально передаются все компоненты, значимые для ИТ: денотативный, коннотативный и стилистический.

Глагол *schmiss* (от *schmeißen* (фам.) — *швырять, кидать*) перевели как *швырнул* (разг.), *толкнул* (нейтр.). Три человека перевели глагол одинаково: глагол *швырнуть* вполне передаёт содержание исходного глагола, в то время как *толкнуть* — более нейтральное и, соответственно, менее эмоциональное слово, не передающее в полной мере суть происходящего. Ещё переводчик, как было уже сказано выше, объединил два действия в одно (*заехал*). Такая экономия хотя и придаёт динамику повествованию, но при этом лишает текст некоторых нюансов, без которых он становится более «тусклым».

Характерно, что, по всей видимости, переводчики не смогли распознать, что же за предмет называется существительным *Ofenschirm*, что обусловлено, очевидно, возрастными особенностями студентов-участников эксперимента, не знакомыми с предметами утвари начала XX века.

Пример 5. *Ich ging hinaus und schnitt bei der Tür eine Grimasse, dass alle lachen mussten.*

1) *При выходе у двери я скорчил такую физиономию, что все захохотали.*

2) *Выходя, я скорчил рожу, и все засмеялись.*

3) *Я вышел и у двери скорчил рожу так, чтобы все засмеялись.*

4) *Выходя из классной комнаты, я соорудил такую гримасу, что никто не смог удержаться от смеха.*

5) *Я направился к выходу и скорчил в дверях такую гримасу, что все засмеялись.*

Eine Grimasse schneiden — это устойчивое словосочетание с пометой «разговорное». Все переводы можно признать вполне эквивалентными, поскольку использованы аналогичные устойчивые словосочетания, существующие в русском языке. По Я.И. Рецкеру, например, эти словосочетания можно отнести в группу эквивалентов, установившихся в силу тождества обозначаемого, а также отложившиеся в традиции языковых контактов [Рецкер 1974]. Определённое замечание хотелось бы сделать относительно третьего варианта перевода, где переводчик не распознал семантику связи между пропозициями, маркированную союзом *dass* в финальном, а не каузальном значении.

Интересно решение (4) относительно перевода *lachen müssen* — побуждение к действию вопреки ситуации общению (школьный урок, выговор ученику), что не отражает ни один другой перевод.

Пример 6. *Es hat mich aber keiner verschuftet, weil sie schon wussten, dass ich es ihnen heimzahlen würde.*

1) *Но никто на меня не выдал, потому что знали, я отплачу той же монетой.*

2) *Но никто меня не выдал, потому что они точно знали, что я бы им отомстил.*

3) *Но никто меня не подставил, потому что они уже знали, что я бы им отомстил за это.*

4) *Все знали, что я смогу за себя постоять, поэтому выдавать меня не стали.*

5) *Но на меня никто не настучал, потому что все уже знали, что им бы это с рук не сошло.*

Глагол *verschuften* был переведён как *выдать (меня), выдать (на меня), подставить* (разг.), *настучать* (прост.). В большинстве случаев переводчики выбрали литературно нейтральный вариант обозначения ситуации, тем самым предложение несколько потеряло свою эмоциональность, так как *verschuften* имеет помету «разг.».

По всей видимости, переводчики не обратили внимание на исторически обусловленные особенности функционирования конструкции с *würde* +

Infinitiv в начале XX века, которая только ближе к последней трети XX века стала весьма частотной в нейтральных контекстах, хотя семантика конструкции передается в целом адекватными средствами.

Пример 7. *Werners Heinrich hat es nicht gesehen, weil er daheim blieb, weil er den Zahn nicht mehr hatte.*

1) Вернерс Генрих этого не видал, потому что он остался дома, потому что у него больше не было зуба.

2) Вернерс Хайнрих этого не видел, потому что остался дома, потому что потерял зуб.

3) Вернерс Генрих не видел этого, потому что остался дома, потому что у него больше не было зуба.

4) Вернерса Хейнриха в классе в то время уже не было. Пострадавшего, лишившегося зуба, его немедленно отправили домой.

5) Генрих этого не видал, потому что он был дома, потому что он был беззубый.

В этом случае особый интерес представляет намеренное «корявое» построение предложения в ИТ, когда два одинаковых союза в сложноподчинённом предложении следуют друг за другом. Такая структура использована автором намеренно для того, чтобы передать детскую речь с характерными для нее нарушениями. Следовательно, этот смысловой элемент релевантен и требует адекватного отражения в переводе. В четырех случаях из пяти переводчики воспользовались аналогичными синтаксическими средствами русского языка. Четвёртый же вариант перевода нейтрализовал данное отклонение, разбив одно сложноподчинённое предложение на два простых, одно из которых осложнено распространённым определением (выраженным причастным оборотом), однако с денотативной точки зрения это решение не корректно: Генрих остался дома, никуда не уходил, его не оправляли домой.

Пример 8. *Ich musste gleich zum Herrn Rektor hinein, der mich mit seinen grünen Augen sehr scharf ansah.*

1) Я зашел в кабинет директора, который пронзил меня своими зелеными глазами.

2) Я сразу же вошел к директору, который взглянул на меня своими острыми зелеными глазами.

3) Я тут же должен был зайти к г-ну директору, который пристально посмотрел на меня своими зелёными глазами.

4) Итак, вот я и у директора, впившегося в меня своими зелёными пронизывающими глазами.

5) Я вошёл в кабинет к господину директору, и он жутко пристально посмотрел на меня своими зелёными глазами.

В этом случае сложной задачей явился перевод фразы *mich...sehr scharf ansah*. Возможными аналогами перевода наречия *scharf* в приведенном контексте являются *резко, пристально, внимательно, пронизательно*, поэтому решение *своими острыми зелеными глазами* нельзя признать удачным. Большинство переводчиков воспользовались компенсирующими средствами: в варианте (1) семантику наречия *scharf* передает глагол *пронзить*, в варианте (2) — прилагательное *острый* (и такая характеристика даётся уже не взгляду в целом, а конкретно глазам), в варианте (4) — причастием *впившийся (глазами)* (характеристика даётся уже всему человеку). В двух оставшихся случаях переводчики предпочитают вариант *пристально*, в варианте (5) добавлен интенсификатор *жутко*. Не совсем удачным нам представляется перевод с использованием причастия *впившийся*, поскольку текст не даёт информации о моментальности действия (*Итак, вот я и у директора...*); видимо, переводчик принял во внимание наречие темпоральной семантики *gleich*. Вполне удачным можно считать последний вариант перевода, который передаёт «детскость» речи.

Пример 9. *«Da bist du schon wieder, ungezogener Bube», sagte er, » wirst du uns nie von deiner Gegenwart befreien?»*

1) «Опять ты, неслух. Ты когда-нибудь избавишь нас от своего присутствия?»

2) «Это опять ты, невоспитанный юнец, — сказал он, — ты никогда не освободишь нас от своего присутствия?»

3) «Ну, вот опять ты здесь, непослушный мальчишка, — сказал он, — ты нас никогда не освободишь от своего присутствия?»

4) «Опять ты, невоспитанный мальчишка, — сказал он, — Наверное, ты никогда не освободишь нас от своего присутствия».

5) — Снова ты за своё, невежа, — сказал он, — когда же ты, наконец, избавишь нас от удовольствия тебя видеть?

В этом случае значительным элементом выступает обращение директора к непослушному мальчику — *ungezogener Bube*. Важной стилиевой чертой речи директора является использование им устаревшей, возвышенно-поэтической и религиозной лексики. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что такая речь звучит официально и наставительно по отношению к гимназисту Людвигу; с другой стороны, одной из авторских интенций было передать атмосферу в баварских гимназиях XVIII века (автор писал свои рассказы в конце XIX — начале

XX века). Максимально точно сохранить семантику устаревшего слова *Vube* удалось, на наш взгляд, переводчикам (1) и (2): *неслух* и *невоспитанный юнец* (ирон.); вполне эквивалентными оказались и остальные переводы. Неудачным представляется решение (5) — *невежа*, поскольку директор гимназии возмущен не недостаточным уровнем знаний у своего гимназиста, а его продолжающимися нарушениями дисциплины и порядка, его поведением.

Вариант (4) адекватно передает средствами ПЯ семантику предположения: вопросительная структура (альтернативный вопрос) в ИЯ и футур 1 (*wirst* <...> *befreien*), семантика предположения у которого относятся к прототипическим. Не менее удачным представляется и вариант (1), хотя степень эмоциональности ИТ и ПТ различается: в ПТ она выше. Вариант (5) показывает излишне драматичной обозначаемую ситуацию (*избавишь нас от удовольствия тебя видеть*); директор гимназии при всем его возмущении проказами завзятого нарушителя спокойствия не может начать так свою «воспитательную» беседу, а речь идет именно о начале общения.

Пример 10. «*Was willst du eigentlich werden, fragte er; «du verrohtes Subjekt? Glaubst du, dass du jemals die humanistischen Studien vollenden kannst?»*»

1) «Кем ты собственно хочешь стать, — спросил он, — ты, проходимец? Ты что, думаешь, сможешь когда-нибудь завершить гуманитарные штудии?»

2) «Кем ты вообще думаешь стать, одичавший субъект, — спросил он, — ты что, думаешь, что сможешь когда-нибудь закончить свою учебу?»

3) «Кем ты, собственно говоря, хочешь стать?», — спросил он, — «ты, одичавший субъект? Ты думаешь, что сможешь когда-нибудь закончить учёбу?»

4) «И кем ты собираешься стать, — продолжал он, — ты, грубый и дикий хулиган... Ты что же, всё ещё надеешься, что с таким поведением ты сможешь получить гуманитарное образование?»

5) — Да что же из тебя получится, вырождок? — сказал он. — Ты думаешь, что тебе и впрямь удастся закончить классическую гимназию?

Verrohtes Subjekt — в данном контексте иронично-привычное для директора ругательство, выраженное довольно мягко. *Verroht* в своей семантике содержит компоненты «отбившийся от рук», «непослушный», т. е. закоснелый, застарелый, упор-

ствующий в своих неблагоприятных намерениях. Переводы данного словосочетания как *одичавший субъект* и *грубый и дикий хулиган* не очень близки к ИТ ни в коннотативном, ни в денотативном отношении. И хотя существительное *Subjekt* имеет в словаре помету «презрительное» и его можно перевести как *субъект* и *тип*. Использование слова *проходимец* не совсем удачно, так как оно указывает на мошеннические склонности человека, а в тексте этого нет. Чрезмерно утрированным также является, на наш взгляд, слово *вырождок* (разг., бран): оно излишне грубо и не вписывается в контекст.

Интересно обратить внимание на перевод *die humanistischen Studien*: *гуманитарные штудии, учеба, гуманитарное образование, классическая гимназия* — пожалуй, последние два наиболее адекватны.

Пример 11. *Da fuhr er mich aber an und schrie so laut, dass es der Pedell draußen hörte und es allen erzählte.*

1) Тогда он подошел ко мне вплотную и закричал так громко, что школьный сторож на улице услышал и всем, должно быть, рассказал.

2) Тогда он приблизился ко мне и закричал так громко, что сторож за дверью услышал и потом всем об этом рассказывал.

3) Но тут он напустился на меня и закричал так громко, что это слышал снаружи школьный сторож и рассказал это всем.

4) Тогда он начал так громко орать, что это услышал даже швейцар снаружи и всем об этом рассказал.

5) Тут он набросился на меня и заорал так громко, что даже сторож на улице слышал и потом всем рассказывал.

(*j-n*) *anfahen* (разг., груб.) — глагол, переведённый как *подойти вплотную, приблизиться, напустить (на кого-л.), наброситься*. Немецко-русский словарь даёт следующие соответствия: *наброситься, накричать (на кого-либо)* и так же помечено «разг., груб.». Самыми точными, по нашему мнению, переводами явились (2) и (5), в которых максимально сохранен коммуникативный и логический посыл автора. *Подошёл ко мне вплотную* — это перевод нейтральный, устраняющий коннотативный потенциал ИТ. *Напустился на меня и закричал* — невозможный вариант перевода, поскольку уже одно действие *напустить (прост.)* означает «накинуться с бранью, с раздражением» [Ожегов 1988] и действие *закричать* становится в контексте избыточным. Выбор переводческого решения в таком случае сопряжен с размышлени-

ями о том, как не нарушить когерентность текста для адресата ПТ. Начал громко орать для обозначения двух действий — излишне упрощённый вариант: здесь применена переводческая трансформация «опущение».

Пример 12. *Er sagte, dass ich eine Verbrechernatur habe und eine katilinarische Existenz bin und dass ich höchstens ein gemeiner Handwerker werde und dass schon im Altertum alle verworfenen Menschen so angefangen haben wie ich...*

1) Директор сказал, что я преступник и плебей, и что в лучшем случае из меня выйдет ничтожный чернорабочий, что в средневековье все непутёвые начинали так же, как я...

2) Он сказал, что у меня преступная натура и я политический авантюрист и что я в лучшем случае стану обычным ремесленником и что еще в древности все опустившиеся люди начинали, как я...

3) Он сказал, что у меня преступная натура, я политический авантюрист и что в крайнем случае я стану рядовым ремесленником и что уже в древние времена все порочные люди так же начинали, как и я...

4) Директор кричал, что я веду себя, как бесовский преступник, политический авантюрист и что самое большее, на что я способен, так это стать простым ремесленником и что ещё с древних времён все подлые люди начинали так, как я...

5) Он сказал, что я по натуре преступник, опустившийся плебей, и что в лучшем случае я стану каким-нибудь сапожником, и что ещё в древности все пропащие люди начинали так же, как я...

Данный пример иллюстрирует ситуацию, в которой директор весьма зол, но он сдерживает себя, считая это обязательным для себя как образованного человека, для которого использование ругательств — дело недостойное. Директор выражается витиевато, используя книжные и устаревшие лексические (*Verbrechernatur*, *katilinarische Existenz*, *verworfenen Menschen*), содержательно не совсем понятные мальчику, к которому они, собственно, и обращены, хотя интенцию директора — осудить, отругать, унижить — мальчик без малейшего труда распознает. По сути, ни один из проанализированных вариантов перевода не дает такого эффекта. Так, *gemeiner Handwerker* в переводе (1) *ничтожный чернорабочий* или *какой-нибудь сапожник* (5) не могут быть признаны адекватными; более удачны варианты (2), (3), (4), хотя и эти решения небезупречны как с точки зрения экспрессивной, так и импрессивной эквивалентности. Словарными соответствиями для *verworfen* являются *дурной*, *порочный*, *развращённый*.

Анализируемые переводческие решения вполне правомерны, кроме одного: прилагательное *подлый* неуместно, потому что, хотя и семантический компонент «плохой» присутствует, однако другие, такие как «опустившийся», «порочный», не активизируются. Более того, *подлый* обозначает кого-то бесчестного, способного на обман; в обсуждаемом контексте, однако, речь идёт о другом.

Пример 13. *Er hieß mich einen verruchten Lügner, der den Zorn des Himmels auf sich zieht. Aber ich sagte: «Ich weiß doch gar nichts».*

1) Он называл меня последним лжецом, накликающим на себя гнев Божий. Но я ответил: «Не могу ничего знать».

2) Он называл меня прогнанным лжецом, который накликает на себя гнев божий. Но я сказал: «Я же вообще здесь ни при чем».

3) Он назвал меня гнусным лжецом, который навлекает на себя гнев небес. Но я сказал: «Но я же совсем ничего не знаю».

4) Он называл меня гнусным обманщиком, вызывающим на себя гнев Господень. Но я ответил, что ничего не знаю.

5) Он назвал меня проклятым лгуном, который хочет навлечь на себя гнев господ. Но я сказал: я не понимаю, о чём Вы говорите.

Прежде всего, целесообразно предложить такой комментарий. *Verrucht* (книжн.) имеет словарный эквивалент *гнусный*, *проклятый*, *Lügner* — *лгун*, *лжец*, *врун*. Более подробно хотелось бы остановиться на неудачных вариантах перевода. *Прогнанный лжец* — абсолютно непривычное для русского человека сочетание слов и вызывает чрезмерно негативные эмоции. *Последний лжец* — тоже не свойственное русскому языку сочетание: в словаре С.И. Ожегова можно найти такое определение слову *последний*, т. е. совсем плохой, самый худший (разг.). Далее в словаре приводятся возможные сочетания этого слова с другими: *последнее дело*, *последний негодяй* и др. Приведенные варианты не вписываются и в контекст.

Ни один из переводчиков не обратил внимание на стилистическую функцию глагола *heißen*, хотя семантика распознана вполне.

Пример 14. *Und dann fragte er alle in der Klasse, ob sie nichts gegen mich aussagen können, aber niemand wusste nichts...*

1) Потом он попросил всех присутствующих в классе дать против меня показания, но никто ничего не знал.

2) Тогда он опросил всех в классе, кто что мог сказать против меня, но никто ни о чем не знал...

3) И тогда он спросил всех в классе, не могут ли они сказать что-либо против меня, но все ничего не знали.

4) Тогда директор спросил у моих одноклассников, имеют ли они что-то против меня. И все промолчали.

5) Тогда он стал спрашивать у каждого в классе, знает ли он что-нибудь о моём преступлении, но никто ничего не знал...

В этом предложении встречаются множественные отрицания, которые представляют собой нарушения нормы немецкого языка. Эти нарушения использованы для того, чтобы передать не слишком изысканную, не всегда грамотную речь мальчика-гимназиста. В норме предложение должно было звучать следующим образом: *Und dann fragte er alle in der Klasse, ob sie etwas gegen mich aussagen konnten, aber niemand wusste etwas/was*. Довольно удачно передана функция высказывания в переводах (2) и (3): *кто что мог сказать против меня* — разговорный, хотя и не очень удачный вариант, в определённой степени нарушающий литературную норму русского языка. ...но все ничего не знали отлично передаёт нарушение выражения отрицания с той лишь разницей, что в русском языке, наоборот, двойное отрицание является нормой; в переводе же даётся одно отрицание, тем самым передаётся отклонение от нормы. Вариант (5) — *преступление* — не оправдан ни с точки зрения экспрессивной, ни импрессивной эквивалентности, даже если принять во внимание сведения из посттекста анализируемого отрывка.

Пример 15. «*Gestehe es, Verruchter, hast du diese schändliche Tat begangen?*»

1) «Сознайся, нечисть, ты совершил этот дерзкий поступок?»

2) «Признайся, проклятый, ты совершил этот постыдный поступок?»

3) «Признайся, нечестивец, ты совершил этот позорный поступок?»

4) «Признайся, проклятый, это ты совершил этот ужасный поступок?»

5) — Сознавайся, мерзавец: ты совершил это постыдное деяние?

Verruchter, как и *verrucht*, словари относят к единицам книжным, то есть единицам, специализирующимся на функционирование в определенных коммуникативных условиях. В соответствии с этим переводы существительного *Verruchter* как *нечестивец* вполне удачно, а *проклятый* — более или менее оправдан. Существительное *нечисть* — спорный вариант, поскольку оно означает: а) в

старых народных поверьях: то же, что и нечистая сила; б) (перен.) презренные, недостойные люди. Это существительное является собирательным и к одному человеку не применимо. Спорным является и использование единицы *мерзавец* в той же номинативной функции, так как функционально-стилистические параметры не адекватны изучаемым условиям в ИТ (ср.: *Verruchter*).

Относительно прилагательного *schändlich(e Tat)* нужно отметить, что его корень восходит к существительному *Schande* и содержит сему «стыд, позор». Соответственно, прилагательные *ужасный* и *дерзкий* не служат достижению экспрессивной и импрессивной эквивалентности ИТ и ПТ. Более удачными следует признать решения *постыдный* (2), *позорный* (3), а словосочетание *постыдное деяние* (5) — наиболее приемлемым, учитывая характеристика адресанта — директора гимназии.

Пример 16. *Der Rektor schrie wieder: «Wehe dir, dreimal wehe! Wenn ich dich entdecke! Es kommt doch an die Sonne.»...*

1) Ректор снова закричал: «Горе тебе! Если я узнаю! Рано или поздно все выяснится...»

2) Ректор закричал снова «Горе тебе! Трижды горе тебе! Если я только до тебя доберусь! Все тайное становится явным...»

3) Ректор снова закричал: «Горе тебе, трижды горе тебе! Ну, если я тебя поймаю! Это выйдет на свет Божий!»

4) «Горе тебе, горе», — кричал, не успокаиваясь, директор, — «если я выведу тебя на чистую воду. А тайное, как ты знаешь, всегда становится явным.»

5) Теперь директор снова заорал: — О, горе тебе, горе! Если только я узнаю, что это был ты! Когда-нибудь это всё равно выйдет на свет!

Вероятно, наибольшую трудность в данном предложении у переводчиков вызвала фраза *Es kommt doch an die Sonne*. Это устойчивое словосочетание, в нейтральном варианте переводимая как *выяснится*. Чтобы сохранить образность выражения, переводчики воспользовались аналогичными русскими устойчивыми фразами: *всё тайное становится явным, это выйдет на свет Божий*. Единственный не совсем удачный вариант — пятый, так как фраза *выйдет на свет* в русском языке не используется, а всегда дополняется словом *Божий*.

Пример 17. *Ich bin recht froh, dass ich gelogen habe und nichts eingestand, dass ich am Sonntagabend den Stein hineinschmiss, wo ich wusste, dass das Bild war.*

1) Я весьма рад, что солгал и не признался в том, что в субботу сознательно запульнул камнем в картину.

2) Я на самом деле очень рад, что соврал тогда и не признался, что это я швырнул камнем туда, где была картина.

3) Я и правда рад, что соврал и не признался в том, что воскресным вечером бросил камень туда, где, как я знал, была картина.

4) Я был очень рад, что я соврал и не признался, что это я кинул камень в картину воскресным вечером.

5) Я страшно рад, что соврал и не сознался, что в воскресенье вечером я выставил то окошко, где я знал, что была картина.

Важной синтаксической особенностью данного предложения является нарушение семантической и синтаксической структуры в придаточном предложении: *wo ich wusste, dass das Bild war.* Очевидно, Л. Тома сделал это с целью показать грамматически неправильную письменную речь ребёнка, который ещё не умеет корректно оформлять свои мысли и который переполнен эмоциями. В большинстве случаев переводческие трансформации нейтрализовали соответствующие нарушения за счет использования нормативной конструкции. Особого внимания заслуживает вариант (5), в котором очень точно была воспроизведена изначальная синтаксическая конструкция: *...я выставил то окошко, где я знал, что была картина.* Однако обращает на себя внимание употреблённое слово *выставил*, которое не соответствует контексту в ИТ, поскольку здесь речь идет о разбитом окне, а на жаргоне *выставил* вообще обозначает *обворовал* и применяется лишь к какому-нибудь помещению (например, *выставил квартиру*). Вместо *выставил* можно было написать *бросил камень в то окошко (у которого была картина)*.

Таким образом, очевидно, что анализ переводческих решений позволяет, с одной стороны, получить существенные сведения о культурно-специфических особенностях концептуализации сведений о мире, о вербализации этих сведений, о способах и средствах достижения экспрессивной и импрессивной эквивалентности. С другой стороны, подобный анализ позволяет выявить учебный материал, первостепенно значимый для обучения переводу, а также помочь обучающимся определять условия, от успешной реализации которых зависит качество перевода, намечать максимально успешные стратегии решения переводческих задач.

Сопоставление разных переводческих решений одного и того же текста позволило убедиться в том,

насколько значимым являются личностные особенности переводчика как автора ПТ — положение, которое, собственно говоря, никем из транслятологов не оспаривается ни в теории, ни на практике. Последовательное сопоставление номинативных стратегий может стать надежным инструментом при критическом анализе ПТ-ов, поскольку это позволяет принимать во внимание культурную специфику как таковую, динамику социокультурных изменений, специфику концептуализации и категоризации сведений о мире и соотносить номинативные решения переводчика как автора ПТ с переводческими стратегиями, реализация которых позволяет создать ПТ, адекватный всем коммуникативно и социокультурно значимым условиям культуры-реципиента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод / Л.С. Бархударов. — М. : Междунар. отношения, 1975. — 240 с.
2. Брандес М.П. Критика перевода: практикум по стилистико-сопоставительному анализу переводов немецких и русских художественных текстов : учебное пособие / М.П. Брандес. — М. : КДУ, 2006. — 240 с.
3. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — М. : Высш. шк., 1986. — 416 с.
4. Гак В.Г. Теория и практика перевода / В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев. — М. : Высш. шк., 1985. — 255 с.
5. Гришаева Л.И. Номинативно-коммуникативная функция предложений с глаголами поведения / Л.И. Гришаева. — Воронеж : ВГУ, 1998. — 272 с.
6. Гришаева Л.И. Результат концептуализации сведений о мире как основа для выбора переводческих стратегий / Л.И. Гришаева // Социокультурные проблемы перевода. — Вып. 8. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. — С. 431—446.
7. Комиссаров В.Н. Теория перевода: лингвистические аспекты : учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. — М. : Высш. шк., 1990. — 253 с.
8. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение : учебное пособие / В.Н. Комиссаров. — М. : ЭТС, 2001. — 424 с.
9. Кузьминская Е.Ю. Особенности перевода текстов с ярко выраженной культурной спецификой / Е.Ю. Кузьминская // Социокультурные проблемы перевода. — Вып. 8. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. — С. 315—322.
10. Латышев Л.К. Эквивалентность перевода и способы её достижения / Л.К. Латышев. — М. : Междунар. отношения, 1981. — 248 с.
11. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика / Я.И. Рецкер. — М. : Междунар. отношения, 1974. — 216 с.

12. Фёдоров А.В. О художественном переводе / А.В. Фёдоров — Л. : ОГИЗ: Гос. изд. худож. лит., 1941. — 257 с.

13. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (Лингвистический очерк) / А.В. Фёдоров. — М. : Высш. шк., 1986. — 395 с.

14. Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка / Н.А. Фененко. — Воронеж : ВГУ, 2001. — 140 с.

15. Фененко Н.А. «Ревизор» по-французски: Непереводимое в переводе или непереуведенное переводчиком? / Н.А. Фененко // Социокультурные проблемы перевода. — Вып. 8. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. — С. 50—62.

16. Фройнек З. Несколько размышлений по поводу перевода «Lausbubengeschichten» / З. Фройнек // Ludwig Thoma. Lausbubengeschichten aus meiner Jugendzeit // Людвиг Тома. Похождения баварского сорванца, рассказанные им самим : учебное пособие. — Н. Новгород : НЛГУ им. Н.А. Добролюбова, 2003. — С. VII—XVIII.

17. *Fremdheit als Problem und Programm: Die literarische Übersetzung zwischen Tradition und Moderne* / Hrsg. von W. Huntemann und L. Ruhling. — Berlin : Erich Schmidt, 1997. — VII, 296 s.

18. Kasack W. Deutsche Literatur des 20. Jahrhunderts in russischen Übersetzungen: Historischer Überblick. Bibliographie, 1945—1990 / W. Kasack. — Mainz : Liber-Verlag, 1991. — 138 s.

19. Nord C. Fertigkeit Übersetzen. Ein Selbstlernkurs zum Übersetzenlernen und Übersetzenlehren / C. Nord. — Editorial Club Universitario Alicante, 2002. — 182 s.

20. Nord C. Training functional translators for the 21st century / C. Nord // Социокультурные проблемы перевода. — Вып. 8. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. — С. 12—31.

21. Risku H. Translatorische Kompetenz. Kognitive Grundlagen des Übersetzens als Expertentätigkeit / H. Risku. — Tübingen : Stauffenburg, 1998. — 194 s.

22. Schippel L. Ist Übersetzungsqualität wirklich ein Chamäleon? Von Skopoï, intra- und intertextueller Kohärenz und Translationsnormen / L. Schippel // Ästhetik und Kulturwandel in der Übersetzung / Maria Krysztzofiak (Hrsg.) Peter Lan Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2008. — S. 103—116.

Воронежский государственный университет
Л.И. Гришаева, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии
grischaewa@rgph.vsu.ru
Е.Ю. Кузьминская, выпускница ВГУ

- СЛОВАРИ
1. Большой немецко-русский словарь / сост. К. Лейн, Д.Г. Мальцева, А.Н. Зуев; под ред. Е.А. Ивановой. — М. : Рус. яз., 2002. — 1040 с.
 2. Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики / В.Д. Девкин. — М. : РУССО, 1996. — 768 с.
 3. Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Сов. энцикл., 1990. — 685 с.
 4. Рахманов И.В. Немецко-русский синонимический словарь / И.В. Рахманов, Н. Минина [и др.]. — М. : Рус. яз., 1983. — 704 с.
 5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. — М. : Рус. яз., 1988. — 750 с.
 6. Словарь иностранных слов. — М. : Рус. яз., 1998. — 608 с.
 7. Словарь синонимов русского языка [под ред. А.П. Евгеньевой.]. — М. : АСТ, 2002. — 656 с.
 8. Фразеологический словарь русского языка : свыше 4000 словарных статей / сост. Л.А. Войнова; В.П. Жуков; А.И. Молотков; под ред. А.И. Молоткова. — М. : Рус. яз., 1978. — 543 с.
 9. Цвиллинг М.Я. Русско-немецкий словарь. — 4-е изд., стереотип. — М. : Рус. Яз., 2000. — 688 с.
 10. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. — Mannheim/Wien / Zürich: Bibliographisches Institut & Brockhaus, 1995. — 846 s.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- <http://www.sofvgu.ru>
<http://www.biblicalstudies.ru>
<http://kspu.ptz.ru>
<http://nostalgia.ncstu.ru>
<http://www.studik.ru>
<http://library.durov.com/Komissarov-089.htm#ch2>
www.wer-weiss-was.de

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Thoma Ludwig. Lausbubengeschichten. Aus meiner Jugendzeit = Людвиг Тома. Похождения баварского сорванца, рассказанные им самим : учебное пособие. — Н. Новгород: НЛГУ им. Н.А. Добролюбова, 2003. — 147 с.
2. Перевод Т. В. (1)
3. Перевод Б. В. (2)
4. Перевод П. О. (3)
5. Перевод Р. Ю. (4)

Voronezh State University
L.I. Grishayeva, Doctor of Philological Science,
Professor, German Philology Department, Faculty of
Romance and Germanic Philology
grischaewa@rgph.vsu.ru
E.Y. Kuzminskaja, graduate student of VSU